

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ОСТАФЬЕВСКИЙ

АРХИВ. ТОМ 5. ЧАСТЬ 1

Петр Вяземский
Остафьевский
архив. Том 5. Часть 1

«Public Domain»

1825

Вяземский П. А.

Остафьевский архив. Том 5. Часть 1 / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1825

«Предпринятое в 1899 году издание «Остафьевский Архив Князей Вяземских» ныне предполагается продолжать путем небольших – снабженных указателем и примечаниями – выпусков, которые будут выходить по возможности ежегодно. При этом имеется в виду в каждом выпуске издавать более или менее крупную часть какого-нибудь однородного материала и, сверх того, отдельные письма и документы разного времени...»

Содержание

От редактора	6
1811.	10
1.	10
1819.	11
2.	11
3.	12
4.	13
5.	14
1824	15
6.	15
7.	16
8.	17
9.	18
10.	19
11.	20
12.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Петр Вяземский

Остафьевский архив. Том 5. Часть 1

Предпринятое в 1899 году издание «Остафьевский Архив Князей Вяземских» ныне предполагается продолжать путем небольших – снабженных указателем и примечаниями – выпусков, которые будут выходить по возможности ежегодно. При этом имеется в виду в каждом выпуске издавать более или менее крупную часть какого-нибудь однородного материала и, сверх того, отдельные письма и документы разного времени.

Настоящая книжка составляет, таким образом, первый выпуск пятого тома названного издания и включает в себе: 1) письмо князя Петра Андреевича Вяземского к своей невесте княжне Вере Федоровне Гагариной 1811 года и письма его к жене 1812, 1824 и 1825 гг.¹; 2) два письма князя П. А. Вяземского к Д. Н. Блудову и 3) три письма к князю П. А. Вяземскому – К. Н. Батюшкова, М. Н. Загоскина и священника М. Г. Пиняева. Кроме того, в настоящей книжке помещены два портрета – князя П. А. Вяземского и княжны В. Ф. Гагариной.

Наблюдение за изданием принял на себя П. Н. Шеффер, как равно и составление примечаний к первому выпуску.

*Граф Сергей Шереметев,
Графиня Екатерина Шереметева,
урожденная княжна Вяземская.*

20 сентября 1908 г.
Михайловское.

¹ Обширная переписка кн. П. А. Вяземского с женою будет продолжаться печатанием и в последующих выпусках.

От редактора

Пользоваться для печати Остафьевским архивом начал еще князь Петр Андреевич Вяземский в 30-х годах прошлого столетия, и с тех пор в различных изданиях появилось уже не мало ценных материалов, извлеченных из этого архива². Но Остафьевский архив не есть собрание случайно приобретенных коллекций, не имеющих между собою непосредственной связи, и интерес он представляет не потому только, что в нем хранятся *отдельные* любопытнейшие (и далеко еще не исчерпанные) материалы: заключая в себе главным образом переписку нескольких поколений семьи Вяземских, он представляет собой нечто *целое*, причем в значительнейшей и характернейшей части состав этого целого определенно той ролью, какая принадлежала князю П. А. Вяземскому в современной ему литературной жизни, и теми дружескими связями, в каких находился он с самыми крупными представителями русской литературы конца XVIII – первой половины XIX века. Научно использован такой архив, конечно, может быть лишь путем систематического издания, в котором одни материалы должны быть перепечатаны целиком, другие – в извлечениях, третьи – подробно описаны. Подобное издание и было задумано еще князем Павлом Петровичем Вяземским³. Но прочное основание систематическому обнародованию Остафьевских материалов было положено в 1890 году, когда вышли в свет первые четыре тома предпринятого графом С. Д. Шереметевым издания: «Остафьевский Архив князей Вяземских», заключающие в себе напечатанную под редакцию В. И. Саитова обширную переписку кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. Переписку эту В. И. Саитов обставляет примечаниями, для которых им использован огромный материал и которые нередко разрастаются в самостоятельные биографии и целые разыскания по отдельным вопросам. Практика показала однако, что даже для В. И. Саитова, с его знаниями и его опытом, нужно было *девять* лет, чтобы издать *такие* примечания ко II-му и III-му томам «Переписки кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым»⁴. В виду этого пред издателями «Остафьевского Архива» неизбежно должен был возникнуть вопрос, следует ли примириться с тем, что обнародование Остафьевских материалов затягивается на очень продолжительное время, или же нужно несколько упростить комментарий к материалам, приблизив «Остафьевский Архив» к типу периодических изданий. Издатели считали более правильным принять последнее решение; редактор мог только всецело присоединиться к нему. Не с легким сердцем, конечно, новый редактор, приступая к продолжению издания, ставит себе задачи, более узкие, чем те, какими задавался редактор первых томов, но в данном случае поступить так было необходимо. Примечания В. И. Саитова выше того уровня, на котором находятся у нас историческая библиография, генеалогия, вообще детальная разработка новейшей русской истории, и составление комментария, даже лишь приближающегося к тому, какой дает В. И. Саитов, потребовало бы от нового редактора, только что приступившего к изучению Остафьевского архива, такой подготовительной работы, которая надолго отодвинула бы появление в свет дальнейших выпусков издания. Между тем, ознакомившись несколько с Остафьевским архивом, редактор не мог не вынести убеждения, что опубликовывать Остафьевские материалы было бы крайне желательно без особых замедлений в виду того значения, которое они имеют для изучения ноной русской литературы. Поэтому как в настоящем, так и в последующих выпусках на первое место будут выдвинуты собственно материалы, извлеченные из Остафьевского архива. Что же каса-

² Библиографический обзор материалов, извлеченных из Остафьевского архива и напечатанных в разных изданиях, будет помещен в одгглм из следующих выпусков «Остафьевского Архива».

³ См. предисловие гр. С. Д. Шереметева и гр. Е. П. Шереметевой в I томе «Остафьевского Архива князей Вяземских» (СПб. 1895).

⁴ Первый том этого издания вышел в свет с примечаниями в 1899 году; примечания ко III-му тому появились отдельной книгой в 1901 году, к IIII-му в 1908 году; примечания к IV-му тому В. И. Сайтов надеется выпустить года через три.

ется примечаний, то в тех случаях, когда в распоряжении редактора будут, данные, которые позволят давать пояснения к издаваемым текстам, эти данные будут использованы, но от примечаний, которые потребуют специальных поисков, могущих замедлить выход в свет издания, редактор будет воздерживаться, не отказываясь, впрочем, от мысли пополнять примечания в дальнейших выпусках. В тех – очень многих – случаях, когда примечания В. И. Саитова к трем предшествующим томам «Остафьевского Архива» служат комментарием и к вновь издаваемым материалам, редактор будет ограничиваться простой ссылкой на эти примечания.

Следуя таким приемам, редактор вызовет упреки в скудости материала, которым он располагает для примечаний, но зато таким путем может быть ускорено появление в свет хранящихся в Остафьевском архиве материалов.

При составлении примечаний редактор пользовался советами и указаниями И. А. Бычкова, А. А. Богоявленского, В. В. Майкова, В. И. Саитова, Л. А. Саккети, А. А. Флоридова и А. А. Чебышева, которым и приносит искреннюю благодарность.

Примечания, обозначенные буквами В. С. и А. Ф., принадлежат И. И. Саитову и А. А. Флоридову.

Портрет князя Петра Андреевича Вяземского воспроизведен фототипией, в уменьшенном виде, с писанного масляными красками портрета, который принадлежит в настоящее время внуку князя Петра Андреевича князю Петру Павловичу Вяземскому.

Портрет княжны Веры Федоровны Гагариной, впоследствии княгини Вяземской, воспроизведен фототипией, в натуральную величину, с медальона, который имеет следующую историю.

До сватовства князя Петра Андреевича Вяземского, за княжну В. Ф. Гагарину посватался близкий знакомый её вотчима П. А. Кологривова, его ровесник Маслов. По настоянию вотчима, княжна – неохотно и со слезами, но дала согласие выйти замуж за Маслова, который был гораздо старше её. Тот же Кологривов, поссорившись с ним, расстроил этот брак и, как рассказывала сама Вера Федоровна, доставил ей этим большое огорчение, так как у неё установились уже с женихом хорошие отношения.

Смертельно раненый в Бородинской битве, Маслов вручил одному из братьев княгини Веры Федоровны, для передачи ей, письма её и упомянутый портрет, которые он носил на груди. Впоследствии княгиня Вера Федоровна подарила этот портрет, изображающий ее в ран-

ней молодости, своей внучке княжне Екатерине Павловне Вяземской, ныне графине Шереметевой, у которой он и хранится. *(Со слов графини Е. П. Шереметевой).*

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО
к своей невесте (княжне В. Ф. Гагариной),
1811 года,
и
ПИСЬМА ЕГО К ЖЕНЕ,
1812, 1824 И 1825 гг.

1811.

1.

**Князь П. А. Вяземский своей
невесте княжне В. Ф. Гагариной.**

[Август 1811 г. Мосина].

No m'attends pas pour le dîner, ma délicieuse amie, car il est déjà deux heures, et je viens seulement de me réveiller. Les enfants des K. sont ièi et m'annonceent la prompte arrivée de leur père et mère. Je m'arme de courage, je pense toi et je suis sûr, que tout ira bien. Ton nom m'inspirera dans les combats. Adieu, mon uti gulubusitska (*sic*). A cinq heures au plus tard je suis à tes pieds. A propos! Comment vous portez-vous, princesse?

Далее приписано.

Dans le moment je viens de recevoir tou billet et bénis cent fois l'heureux moment, où je t'ai consacré mon coeur et mon existence, car tu es un ange de bonté. Ils viennent d'arriver, mon entrevue n'a pas encore eu lieu. Au revoir.

1819.

2.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

16 [-17] августа [1812 г. Москва].

Тоска смертельная. Хожу по комнатам, выхожу на улицу, возвращаюсь опять домой, не знаю, что делать, что начать без тебя, малая моя Вера. Одна минута радостная я была, когда я встретил Рихтера, который едет за вами, а теперь уж, может быть, и с вами: по крайней мере, для телесного здоровья будет тебе в дороге гений-хранитель!

Мы собрались было с Жуковским обедать в Певческом трактире, во встретили на улице Иванова, который повез нас обедать к себе. Ожидая с нетерпением Четвертиского; надобно на что-нибудь решиться. Ничего нет мучительнее, как быть в бездействии. Того и смотри, что Жуковский отправится, и я совершенно пропаду. А ты, моя милая, также скучаешь, также тоскуешь?

17-го в 8 часов утра.

Я сей час проснулся и вместо того, чтобы поцаловать тебя, как делал, хочу, по крайней мере, беседовать с тобою, Жуковский отправляется сегодня с полком. Николай Михайлович переезжает к графу Ростопчину, а я, бедный, один не знаю, к чему пристать и что делать. Нет! без тебя жить не хорошо. Дай Кот нам скорее увидеться! Обнимаю тебя тысячу и тысячу раз. Прости, милый ангел мой. Поцалуй за меня Катерину Андреевну и детей и благодари ее всегда за себя и за меня, за все, что она будет для тебя делать. Прости! Душа и жизнь моя с тобою!

Нора письмо отослать на почту.

3.

Князь П. А. Вяземский своей жень.

[20-23 августа 1812 г. Москва].

Здравствуй, милый мой друг! Я надеюсь, что это письмо найдет тебя уже в Ярославле в добром здравии и немного спокойнее. Как я обрадовался твоими двумя письмами и вместе с тем сколько плакал, читая их. Единственный мой друг, давай молиться Богу, чтобы Он скорее нас соединил: мы друг без друга счастливы не можем быть. Я чувствую твое отсутствие на каждой минуте. Что ни делаю, что ни думаю, везде, во всем чувствую, что тебя нет со мною. Сейчас получил я письмо от Милорадовича, который зовет меня к себе, и я этим письмом столько доволен, сколько могу быть в грустном моем положении. По крайней мере, тоска не будет меня есть, как до сих пор. Я буду в действии и, следовательно, рассеян. Принимаю мысленно твое благословение. Оно будет меня хранить в опасностях. Молись обо мне Богу, и мы свидимся в радости и в здравии. Прежде двух или трех дней не надеюсь выехать, а ты однако ж продолжай писать в Москву и адресуй письма к Николаю Михайловичу. Он переехал к графу Ростопчину. Жуковского уже нет давно со мною: он пошел в поход, и, вероятно, будем вместе, ибо все войска и армии и[з] Москвы все идут к Вязме. Можно надеяться, что гроза скоро рассеется. Кутузов в армии, и все пойдет хорошо.

21 августа.

Я сейчас получил твое письмо с двумя образами и повесил их на шею, как ты мне велела. Я их не сниму, милый мой друг, ты можешь быть в том уверена. Повторяю тебе мою просьбу писать ко мне чаще, а ты не забывай, что я из Москвы уезжаю и что, следовательно, ты, можешь быть, писем от меня на каждой почте и не будешь получать.

Молчание мое тебя не должно беспокоить, ибо если я занемому, то армия так близка, что тот час перешлют меня в Москву, как и многих уже переслали. Притом же дурные известия всегда скоро доходят. Итак, заклинаю тебя, милая моя Вера, как можно более покоряться рассудку и не предаваться всем страхам, которые будет рождать в тебе воображение и нежная твоя ко мне любовь. Молись Богу обо мне, я об тебе, и все пойдет хорошо. Посылаю тебе письмо от Прасковьи Юрьевны и советую тебе отвечать ей на первой почте, что ты получила её письмо уже в Ярославле, и что если я тебя туда, а не к ним отправил, так это от того, что в этом городе можно найти более помощи в родах, чем в другом. Обнимаю тебя нежно и в поцалуне моем передаю тебе душу мою. Катерине Андреевне и детям мой поклон.

23 августа.

Я получил твое письмо из Ярославля, милая, добрая моя Вера, и радуюсь, что ты ни в чем не нуждаешься. Дай Бог, чтоб до свидания нашего ты была бы здорова, счастливо родила и порадовала меня к приезду моему таким же милым ребенком, как и ты мила. Я его очень буду любить. В ночь хочу отправиться. Прости, мой неоцененный, божественный друг. Пиши ко мне чаще, а от меня, как я уже тебе и сказывал, жди, когда Бог велит. Я написал в Тверскую и Костромскую деревню, чтобы писали в тебе из деревень, а ответы препоручай писать Егору и в случаях важных советуйся с Катериной Андреевной; да еще я тебе пришлю доверенность от моего имени для заключения условий по фабрикам, займы (*sic*) денег и проч. Обнимаю тебя от всей души, милая моя, обожаемая Вера.

4.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[24 августа 1812 г. Москва].

Я сейчас еду, моя милая. Ты, Бог и честь будут спутниками моими. Обязанности военного человека не заглушат во мне обязанностей муя;а твоего и отца ребенка нашего. Я никогда не отстану, но и не буду кидаться. Ты небом избрана для счастья моего, и захочу ли я сделать тебя на век несчастливою? Я буду уметь соглашать долг сына отечества с долгом моим и в рассуждении тебя. Мы увидимся, я в этом уверен. Молись обо мне Богу. Он твои молитвы услышит, я во всем на Него полагаюсь. Прости, дражайшая моя Вера. Прости, милый мой друг. Все вокруг меня напоминает тебя. Я пишу к тебе из спальни, в которой столько раз прижимал я тебя в свои объятия, а теперь покидаю ее один. Нет! мы после никогда уже не расстанемся. Мы созданы друг для друга, мы должны вместе жить, вместе умереть. Прости, мой друг. Мне так же тяжело расставаться с тобою теперь, как будто бы ты была со мною. Здесь в доме, кажется, я все еще с тобою: ты здесь жила; но – нет, ты и там, и везде со мною неразлучна. Ты в душе моей, ты в жизни моей. Я без тебя не мог бы жить. Прости! Да будет с нами Бог!

5.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[30 августа 1812 г., Москва].

Я в Москве, милая моя Вера. Был в страшном деле и, слава Богу, жив и не ранен, но однакоже не совершенно здоров, а потому и приехал немного поотдохнуть. Благодарю тебя тысячу раз за письма, которые одни служат мне утешением в горести моей и занятием осиротелого сердца. Кроме тебя ничто меня не занимает, и самые воинские рассеяния не дотрогиваются до души моей. Она мертва: ты, присутствие твое, вот – её жизнь; все другое чуждо ей. Князь Федор весьма легко ранен в руку и едет также в Москву с князем Багратионом, который получил довольно важную рану в ногу. Он велел тебя нежно обнять. Дело было у нас славное, и французы крепко побиты, – но однакож армия наша ретировалась. Прошу покорно понять. Делать нечего; есть судьба, она всем управляет, нам остается только плясать по её дудке. Прости, любезнейший друг моего сердца. Будь здорова и уповай на Бога. Катерину Андреевну и детей обними за меня, а себя за меня же поцалуй крепко в зеркале. Агриппине мой душевный поклон. Я ее всегда любил, а за ласки, которые она тебе оказывает, люблю вдвое. Скажи ей это от меня. Бедный Петр Валуев убит. Пропать знакомцев изранено и убито. Ты меня сохранила. Прости, ангел мой хранитель.

Москва. 30 августа.

1824

6.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 2-й. 28 мая. Середа [1824 г. Москва].

Я писал к тебе вчера большое письмо с почтою, которое Рушковский обещал доставить киевскому почт-директору. На всякий случай пишу тебе и сегодня с Пет. Льв. Давыдовым. Дети здоровы, кроме Петруши, который все в одном положении. Сегодня еду к ним до субботы. Покупка деревни нашей утверждена Государем. Здесь еще не получено о том известие в Комиссии, но не может замедлиться. Вчера виделся я с Софиею в опере, в дебюте Каталани, которая в роле Аменаиды вообще очень понравилась. Погода все скверная; дожди немного унялись, но все воздух холодный и небо пасмурное. Черт бы их побрал! Мне тошно, грустно и скучно. Ты и смерть Бейрона не выходят у меня из головы и из сердца. Прости. Обнимаю и благословляю вас трех от глубины сердца. Не забывай писать Карамз. и матери своей. А лучше всего пересылай ко мне письма, а то, пожалуй, и ли раза не напишешь. Цалую тебя.

7.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[№ 3]. Москва. Воскресение 1-го [июня 1824 г.]. Два часа утра.

Сегодня ездил я из Остафьева с Машенькою, Пашенькою и M-lle Goré обедать к Четвертинским и от них отправился в Москву, а дети еще остались там на один час. Дети здоровы, кроме Петруши и Павлуши, которые немного кашляют. На днях девицы Окуловы были в деревне, утром заходили к нам; мы пошли с Павлушею их провожать; он остался у них обедать и возвратился к нам в красной гусарской курточке, служившей, вероятно, Модесту, и морил нас всех со смеху своею важностью и каким-то молодечеством. Сегодня, приехав в Москву, сделал я, что мне должно было сделать.

J'ai fait ce que je devais faire!

Понимается, что провел вечер у Нарышкиной, куда был приглашен. Но к несчастью вчера был у них бал, а сегодня просто дружеский вечер, который мне совсем не удружил. Не было даже ни Юсупова, ни Левушки Давыдова! Сейчас ложусь спать в коляску и еду к Дмитрию Давыдову, у коего проведу воскресенье и понедельник; во вторник хочется возвратиться, а в четверг обедать в Остафьева. Я получил письмо твое из Тулы. Худо, что едешь тихо, но хорошо, что едешь без беды. Дай Бог и вперед! У меня сердце не на месте будет, пока не напишешь мне из Одессы, а еще лучше, – пока не возвратишься к нам здоровая с здоровыми детьми. Обнимаю, цалую и благословляю вас, моих милых! А тебя особенно нежно и нежно цалую.

8.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 4-й. 6-го [июня 1824 г.].

Пятница 5 часов утра!

Стало быть, что это Нарышкиной [Москва].

Я в среду возвратился от Давыдовых и хотел ехать в Остафьево в четверг, но в коляске что-то испортилось, и я принужден был послать за бричкой в деревню и отправлюсь только сегодня, но прежде лягу на несколько часов спать. От детей имею хорошие, или довольно хорошие вести, потому что говорят мне о легком кашле Пашеньки и Павлуши. Да и не удивительно с этою погодою! до сей поры все дожди и холодные ветры. Кажется, сегодня день будет хороший. Спасибо за письмо из Орла. Где же твой ограбленный немец? Я его не вижу. Опять встретилось препятствие в выдаче денег из Опекунского Совета твоим братьям, и потому я без денег. Но зато получил известие из Петербурга, что по моему делу все готово и, вероятно, на днях пришлетя сюда решение. Тогда тот час пришлю тебе деньги. Вчера, ехав от Давыдовых, виделся я на минуточку в Всесвятском с Лодомирскими. Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю тебя и детей от всего сердца. Кланяйся Пушкину и заставь его тотчас писать на смерть Байрона, а то и денег не пришлю. Да что же не отвечает он мне о напечатании своих поим? да Кюхельбекера не забудь! – Деньги Кривцовой оставил и себе на орехи. Целую тебя нежно.

9.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 5-й. Остафьино. 8-го июня [1824 г.].

У нас, слава Богу, все довольно хорошо. Кашель проходит у Пашеньки и Павлуши. Вчера отняли от груди Петрушу, тем более, что кормилица или капризничала, или в самом деле была не очень здорова. Первую ночь перенес он хорошо. А у нас все еще погоды нет, хотя воздух и потеплее. Досадно и скучно, тем более, что заниматься меня не забирает, и мне хотелось бы целый день слоняться по солнцу. Я получил письмо из Комиссии; в нем уведомляют меня, что решение доставлено, и на днях будут совершать купчую. Дни через два поеду в город. Мне как-то тошно и за его дело приниматься от мысли, что все еще останется долг на нас. Конечно, мы выдем из бездны, но все еще не будем на чистом месте. Тебя, по крайней мере, найдет ли это письмо на месте. Одно меня утешает, что если поездка и не будет иметь действительного влияния на здоровье детей, которые с тобою, то все хорошо, что им можно было спастись от вашей осени, ибо точно лета нет, да, кажется, и не будет его нынешним летом. Сделай одолжение, когда увидишься с ним, напомни ему об нас. Говорят, что Кутайсова решительно помолвлена за Голицына и что он у них в деревне. Разумеется, я к ним не поеду. Все беды собрались на меня по отъезде твоём: смерть Бейрона, свадьба Кутайсовой, дождь и ветер, расчеты по кухне etc, etc. Не знаю, как я все это вынесу, но знаю, что это все несносно. А, ты, счастливица, гуляешь, и тебе горя нет!

Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас, мою троицу, это всей души. Машенька хорошо учится и хорошо себя ведет. Пашенька иногда бурлит по своему, но вообще все идет порядочно. Дети тебя целуют, а девица Горе, или девица-горе, тебе кланяется, то-есть горе – лицом, а, впрочем, повидимому, очень хороших свойств. Мы ожидаем к обеду Четвертинскую с детьми, а князь поехал в город. Кланяйся Пушкину. Не забудь написать в матушке и Карамзиным.

Приписка княгини Надежды Федоровны Четвертинской.

Je suis établie dans le cabinet de votre mari et prends sa plume pour vous donner de nos nouvelles et vous dire, combien j'attends impatiemment des vôtres. Votre mari m'a dit, que vous voyagez lentement, mais au moins Dieu veuille, que cela soit bien heureusement pour vous et vos chers enfants, que j'embrasse de tout mon coeur. Je vous suppose arrivée à Odessa; de grâce écrivez nous bien vite. Mademoiselle Goré m'a dit, qu'elle était bien contente de vos enfants et particulièrement de Marie quant à sa docilité et son application à ses études. C'est réellement très joli de sa part. Paul vient d'entrer dans le cabinet, où je vous écris, avec un uniforme de hussard; il est tout à fait comique et m'a bien fait rire. Ils se portent tous assez bien.

Adieu, chère et bonne amie. Je vous embrasse et vous aime de tout mon coeur, mon mari vous baise les mains, tous mes enfants aussi.

Nadinlta est ièi avec moi, charmée de voir ses cousines.

Adieu encore une fois, écrivez moi et pensez à une soeur, qui vous aime pour la vie de toute son âme

votre toute dévouée soeur et amie

Négeon Czetvertinska.

На обороте 2-ю листа: еѣ Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской. В Одессе. – В доме г-жи Давыдовой.

10.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 6-й. Остафьево. 11-го [июня 1624 г.].

После письма из Орла от 28-го я не имею вестей от тебя. Принуждаю себя приписывать недостаток в письмах твоих неисправности почт, а все иногда беспокоюсь. Кажется, теперь уже должна ты быть в Одессе. У нас все идет порядочно. Сегодня первый светлый и теплый день, хотя и с сильным ветром, который того и смотри, что опять нагонит дождь. Дети на всякий случай нагулялись утром. Я получил сегодня письмо из Варшавы от Нессельроде: ничего нет примечательного. Завтра или после завтра поеду в город наведаться о заключении купчей. Мне что-то так неохотно приниматься за это дело! Брошу я все да убегу куда-нибудь. Вчера просыпаюсь я, гляжу на часы – половина первого, то-есть после полдня. Зато уже воспользовался твоим отсутствием и обедал в половине шестого – с позволения однакоже детей и M-lle Goré. Петруша хорошо выносит развод свой с кормилицею. Дети тебя целуют. Все у них идет порядочно. Обнимаю и благословляю вас всех от всей души.

[11 июня 1824 г. Москва].

Я сейчас отдал 6.000 рублей в Коммерческий банк, которые отправятся к тебе в понедельник, то-есть 14-го числа, и, стало, может быть, будут у тебя еще до получения письма этого. Мое дело все еще не с концом, по я взял несколько тысяч рублей вперед для необходимейших уплат. Я рад, что с тобою рассчитываюсь, а ты мне была мой самый тяжелый заимодавец. Отдай же Пушкину, что ему следует, то-есть 1880 рублей; кажется, – так. В письмах моих к нему должен быть расчет мой с ним. Если как-нибудь перед отъездом его понадобились бы ему деньги сверх того, то дай ему несколько сотен рублей, под залог его будущего бессмертия, то-есть новой поэмы. Только смотри, чтобы он эти деньги не употребил на шалости, на игру; на девки – можно! Вот тебе лорнетка. Такая ли? Пристлей уверяет, что взятая Васильчиковым одинакова. Вот тебе M-me d'Angeville, M-eurs Auguste et Waldowski! Похлопочи о ней, чтобы ей дали сыграть несколько раз. Она прелестная актриса: певица на французский лад, но поет с приятностию и говорит куплеты с большим умом. Я за нею не волочился; следовательно, можешь приласкать ее, не будучи в дурах. У Лодомирской вчера не крестили: ребенок цветет. Наши, слава Богу, здоровы. Сегодня еду к ним. Четвертинские также едут сегодня! Не могу писать далее, голова идет кругом, плачу Матьясу, Дмитрию Давыдову, Завтра собирается ко мне кое-кто, разве погода остановит. Сегодня опять потоп грянул с неба. Поздравляю тебя с завтрашним новорожденным. Обнимаю и благословляю вас, милых моих, от души. Дай Бог тебе дать мне хороших вестей, а мне – тебе. Целую тебя тысячу раз. Из деревни по почте буду писать более, а теперь не взыщи за краткость.

Москва. 11-го июня.

Я вчера писал тебе по почте.

11.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 7. Москва 16-го [июня 1824 г.].

Я приехал в Москву по вызову Лушникова. Сегодня начинают писать купчую и, кажется, на неделе все кончится. То-то будет для меня тяжкое время, как прорвется плотина и перельется через меня около полумиллиона рублей, или перебегут через меня 1200 людей! Страшно и больно подумать, кроме скуки и хлопот считать, пересчитывать, записывать, расписываться! А ты, счастливица, ты купаешься теперь в море, а мы здесь только что мокнем на дожде! Погода все еще не устанавливается: час солнышка в неделю, а тал все дождь, да дождь! Наша дорога невообразимая, и уже зато досталось *ты*, когда я ехал сюда из Остафьева, Наконец получил я письмо твое из Киева от 1-го июня. Как я рад, что вы дотащились туда благополучно! Я все надеюсь, что там пошло уже лучше. Удивляюсь, как ты писем моих не получила, я несколько их надписал в Киев в дом Раевского, или Орлова. Вели справиться, но, вероятно, ты уже их теперь получила. Дети здоровы, и все идет порядочно. Мамзель Горе очень довольна Машенькою; Пашенька все еще бурлит иногда и лениво учится. Кажется, Мамзель Горе не довольно строго принялась с начала, а теперь ей уже и трудно справиться с нею, тем более, что она и в самых шалостях своих и упрямствах, часто смешна и обезоруживает, рассмеша. Однакоже, она ее несколько раз наказывала, и перед отъездом моим было лучше. Как я высек Павлушу на днях голою рукою по голой и...! так что, и рука и и... равно разгорелись! Он кусал или исцарапал Машеньку и замахнулся на мамзель Горе, которая брала его за ухо. Зато наставление мое будет ему памятно, и с тех пор он присмирел. Погода никак не позволяет мне сделать из него себе верного товарища, а там в бабьей беседе он очень балуется, потому что все его балуют. В Москве ничего нет замечательного, кроме свадеб. Обнимаю и благословляю вас всех от души. С нетерпением ожидаю вестей твоих из Одессы, как купаетесь и как дети выносят эти купания. Нежно тебя цалую. Кланяюсь Пушкину и ожидаю его надгробной песни Бейрону.

На обороте, 2-го листа.

её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземский. В Одессе, в доме Г-жи Давыдовой.

Faites moi l'amitié, mon cher Boulgakoff, d'expédier cette lettre et ajoutez y quelques lignes pour ma femme.

Donnez lui des nouvelles de Moscou, mais de grâce soyez discret ü mou égard et n'éveillez pas sa jalousie eu lui parlant do.... Quelle absence d'esprit! J'allais la nommer! Motus!

Там же рукою А. Я. Ермакова:

Soit! J'euvoye la lettre, – Pour écrire je n'écrirai pas à votre femme, les temps sont changés. Il est question de bien... (*вырвано*) [autre chose, et le comte Miehel W. sait., (*закрyто печатью*) de quoi! L'Europe vexta, saura, lira!.. (*закрyто печатью*) me plaindra, me justifiera, m'absoudra. Quant au soyez discret, que peut on dire d'uu mari exemplaire, comme vous et moi par exemple. Булгаков у ног, да не у ваших! Tout l'essaim a déserté, et de tous..... vos adorateurs il ne..... vous en est resté de fidèles que les princes M. D. A. O. P. les comtes B..T.. R.. L, E. et puis messieurs R. S. A. L. B. (pas moi). M. W. O. T. D. S. N. T.... P. Z... St. E... D. L... K. D.. B. (pas moi). K... L.... N.. I... K... B. (mais pas moi). S. K. T. L. O. C. E. G. D. L... A. et F. et encore chancellent etc.

12.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Остафьево. № 8. 21-го [-22-го] июня [1824 г.].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.